

УДК 339.924

DOI: [10.26102/2310-6018/2025.49.2.038](https://doi.org/10.26102/2310-6018/2025.49.2.038)

Оптимальность валютной зоны БРИКС

М.В. Тарасов✉

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

Резюме. В статье рассмотрен вопрос реализуемости валютной интеграции в формате БРИКС, а также оптимальности БРИКС в качестве валютной зоны. В ходе исследования проведены вычисления по формуле оптимальности валютной зоны. Данная модель позволяет проанализировать соотношение макроэкономических показателей пар стран и найти средний коэффициент оптимальности всего объединения для валютной интеграции. Кроме того, в исследовании приведены дополнительные экономические и геополитические критерии, с помощью которых производится проверка релевантности первичных вычислений по модели оптимальных валютных зон. Корреляция рынков труда, соотношение уровней инвестиционной привлекательности экономик, корреляция деловых и финансовых циклов, инфляционная конвергенция, геополитические риски – все это оказывает непосредственное или косвенное воздействие на успех интеграции. Полученные после вычисления и сверки по дополнительным критериям данные отражают реальную степень готовности БРИКС к созданию единой валюты, а также предрасположенность отдельных стран к экономической интеграции. Целью статьи является не дискредитация программ БРИКС, а научный подход к анализу одной из инициатив, неоднократно продвигаемой в ходе саммитов БРИКС. Реализуемость валютной интеграции в формате БРИКС – сложный многогранный процесс, требующий колоссальных временных и ресурсных затрат со стороны всех государств-членов объединения. Данное положение вещей идет вразрез с отдельными призывами и заявлениями политиков государств БРИКС, что может несколько исказить представление о предмете исследования – валютной интеграции в формате БРИКС – в глазах общественности.

Ключевые слова: валютная зона, валютная интеграция, оптимальность, БРИКС, критерий, экономика, единая валюта, потенциал.

Для цитирования: Тарасов М.В. Оптимальность валютной зоны БРИКС. *Моделирование, оптимизация и информационные технологии*. 2025;13(2). URL: <https://moitvvt.ru/ru/journal/pdf?id=1959> DOI: 10.26102/2310-6018/2025.49.2.038

Optimality of the BRICS currency zone

M.V. Tarasov✉

Lomonosov Moscow State University, Moscow, the Russian Federation

Abstract. The article considers the feasibility of currency integration in the BRICS format, as well as the optimality of BRICS as a currency zone. In the course of the study, calculations have been made using the optimality formula for a currency zone. This model allows one to analyze the ratio of macroeconomic indicators of pairs of countries and find the average optimality coefficient of the entire association for currency integration. In addition, the research provides additional economic and geopolitical criteria, which are used to check the relevance of the primary calculations using the optimal currency zone model. Correlation of labor markets, the ratio of investment attractiveness levels correlation of business and financial cycles, inflationary convergence, geopolitical risks - all this has a direct or indirect impact on the success of integration. The data obtained after calculation and verification using additional criteria reflect the real degree of readiness of BRICS to create a single currency, as well as the predisposition of individual countries to economic integration. The purpose of the article is not to discredit the BRICS programs, but to provide a scientific approach to the analysis of

one of the initiatives repeatedly promoted during BRICS summits. The feasibility of currency integration in the BRICS format is a complex multifaceted process that requires enormous time and resource expenditures from all member states of the association. This state of affairs runs counter to individual calls and statements made by politicians of the BRICS states, which may somewhat distort the idea of the subject of the study – currency integration in the BRICS format – in the eyes of the public.

Keywords: currency zone, currency integration, optimality, BRICS, criterion, economy, single currency, potential.

For citation: Tarasov M.V. Optimality of the BRICS currency zone. *Modeling, Optimization and Information Technology*. 2025;13(2). (In Russ.). URL: <https://moitvvt.ru/ru/journal/pdf?id=1959>
DOI: 10.26102/2310-6018/2025.49.2.038

Введение

Тема валютных отношений не нова для БРИКС. Напротив, она была частью финансовой повестки еще десятилетие назад [1]. За этот период было совершено ряд достижений, наиболее значительным из которых является отказ от доллара во внутренних операциях, т. е. транзакциях между странами БРИКС, и переход на расчет в национальных валютах объединения. Решение, принятое в рамках 7-го саммита БРИКС в Уфе, разделило торговые отношения в блоке на до и после [2]. Отказ от доллара в качестве платежного средства повлек за собой как положительные, так и отрицательные последствия для экономик стран БРИКС. С одной стороны, увеличился экономический суверенитет, усилилась региональная интеграция, диверсифицировались национальные валютные резервы, с другой – появился разрыв между экспортом одной страны и импортом другой, выросли валютные риски, а страны столкнулись с ограниченной ликвидностью национальных валют и отсутствием единой платежной системы [2]. Отказ от «мировых денег» стоит недешево: по сей день ведутся работы по оптимизации систем расчета, платежных балансов стран и макроэкономических политик с целью минимизации ущерба от негативных сторон использования национальных денег БРИКС для расчета по внутренним операциям. Тем более туманно выглядят перспективы расчета в национальных валютах на фоне расширения объединения. В системе, где вместо расчета в 6 валютах используется 10 или вовсе 15, перечисленные недостатки усиливаются многократно. У лидеров альянса есть радикальное решение данной проблемы – создание единой валюты объединения или валютная интеграция.

Реализация столь грандиозного проекта – комплексная задача, требующая от всех стран объединения полной экономической и геополитической отдачи. Вместе с тем, даже в подобных около идеальных условиях многие экономисты выражают скепсис в отношении самого факта реализуемости валютной интеграции в формате БРИКС. В данном исследовании приводится аналитика, подкрепленная вычислениями и статистическими данными о перспективе создания единой валюты в формате БРИКС при текущем уровне развития и взаимодействия государств-членов.

Научная новизна статьи заключается в разработке новой методологии оценки оптимальности валютной зоны специально для стран БРИКС, которая учитывает их уникальные экономические и политические особенности, проведение комплексного эмпирического анализа с применением современных эконометрических моделей для выявления ключевых факторов, влияющих на создание единой валютной зоны, а также формулирование рекомендаций по политике и механизмам координации, учитывающих глобальные вызовы, экономические и геополитические риски, а также современные тенденции глобализации экономики и международных расчетов.

Материалы и методы

Развитие собственной валюты уже многие годы является одним из фундаментальных проектов БРИКС. С 2022 года Россия и Китай совместно с другими странами БРИКС работают над «суперактивом», валютной корзиной, в основу которой будут заложены национальные денежные единицы стран ядра БРИКС. Наподобие концепта АКЮ (Asian Currency Unit) курс единой валюты должен формироваться на основе курсов валют из корзины [3]. Концептуально валюта БРИКС должна стать ультимативным решением проблем, испытываемых блоком в рамках существующей системы внутренних расчетов, основанной на шести валютах. Действительно, единая валюта автоматически сопровождается единой системой расчетов; сокращение числа денежных единиц с 6 до 1 значительно снижает риски, связанные с колебанием курса; валюта, подкрепленная экономиками всех стран ядра БРИКС, не будет испытывать проблем с ликвидностью. Помимо перечисленных задач, носящих утилитарный характер, перед единой валютой БРИКС стоят куда более грандиозные цели. Прежде всего, «R5» призвана обеспечить влияние БРИКС на мировую финансовую систему. Составная валюта, обеспеченная 35 % мирового ВВП, подобно Евро в начале 2000-х станет новой сильной валютой, новым столпом на глобальном валютном рынке и займет свое место в лоне резервных валют. Также, валюта БРИКС должна снизить финансовое влияние Запада и, в частности, доллара США на страны с развивающимися рынками. Кроме того, единая валюта послужит величайшим объединяющим фактором, что ускорит текущие темпы интеграции в десятки раз [4].

Итак, создание единой валюты долгое время было частью повестки БРИКС и в последние годы альянс перешел к активной реализации данной инициативы. Рассмотрим, что потребуется для воплощения столь грандиозного проекта, оценим его осуществимость и рассчитаем, как скоро альянс сможет добиться реализации

Согласно линейной теории экономической интеграции создание единой валюты объединения со всеми необходимыми наднациональными финансовыми структурами – финальная стадия интеграции [5]. Соответственно для ее достижения объединению необходимо преодолеть все предыдущие: от Зоны свободной торговли до Экономического союза. Однако интеграция развивающихся стран не линейна и потому переход на следующие стадии может идти вразрез с очередностью модели Баласса [6].

Требования, необходимые для создания группой государств валютного союза, впервые были сформулированы американским экономистом Р. Манделлом. Впоследствии он отразил свое видение валютной интеграции в теории оптимальных валютных зон (ОВЗ). В сущности, оптимальная валютная зона – это географическая область, в рамках которой могут быть достигнуты цели внутреннего равновесия, характеризуемого низкой инфляцией и полной занятостью, и внешнего равновесия, подразумевающего, в свою очередь, устойчивый платежный баланс [7]. Фактически данная теория является концептуальной основой для оценки целесообразности создания единой валюты для группы стран.

Оценим примерную оптимальность гипотетической валютной зоны стран БРИКС с помощью модели:

$$OCA\ Index = SD + DISSIM + TRADE + SIZE + CYCLE,$$

где SD – волатильность обменных курсов; DISSIM – различия в экономических структурах; TRADE – интенсивность торговли; SIZE – относительный размер экономик; CYCLE – синхронность бизнес-циклов.

Согласно текущей версии проекта валютной интеграции БРИКС в корзину единой денежной единицы блока должен войти пул валют стран ядра. В этой связи, сперва

вычислим индекс оптимальности валютной интеграции каждой пары стран ядра БРИКС. Затем найдем среднее арифметическое полученных значений для подведения итогового значения по оптимальности БРИКС для валютной интеграции.

Информация о соотношениях волатильности обменных курсов стран БРИКС взята из исследования Пилипенко И.В. [8]. Данные по объему ВВП и товарооборота взяты из отчетов Всемирного банка¹ и WITS² соответственно. Информация по средней конкордации между бизнес-циклами стран БРИКС за последнее десятилетие взяты из исследования НИУ ВШЭ [9]. Для нахождения числового значения различий экономических структур прибегнем к индексу различий экономик:

$$I_{\text{разл}} = \frac{1}{2} \sum |d_1 - d_0|,$$

где d – удельный вес в экономике страны и рассчитывается по формуле $d = \text{GDP} - \gamma$, где γ – удельный вес промышленности в структуре ВВП. Воспользовавшись данными электронного ресурса Statbase³, мы получаем следующие вычисления: $d_k = 11$; $d_p = 1,4$; $d_6 = 1,68$; $d_{и} = 2,67$; $d_{ю} = 0,29$.

$$I_{k-p} = \frac{1}{2} \sum |d_k - d_p| = I_{k-p} = \frac{1}{2} \sum |11 - 1,4| = 4,8;$$

$$I_{6-p} = \frac{1}{2} \sum |d_6 - d_p| = I_{6-p} = \frac{1}{2} \sum |1,68 - 1,4| = 1,4;$$

$$I_{и-p} = \frac{1}{2} \sum |d_{и} - d_p| = I_{и-p} = \frac{1}{2} \sum |2,67 - 1,4| \approx 0,64;$$

$$I_{ю-p} = \frac{1}{2} \sum |d_{ю} - d_p| = I_{ю-p} = \frac{1}{2} \sum |0,29 - 1,4| \approx 0,56;$$

$$I_{k-и} = \frac{1}{2} \sum |d_k - d_{и}| = I_{k-и} = \frac{1}{2} \sum |11 - 2,67| \approx 4,2;$$

$$I_{k-6} = \frac{1}{2} \sum |d_k - d_6| = I_{k-6} = \frac{1}{2} \sum |11 - 1,68| = 4,66;$$

$$I_{ю-k} = \frac{1}{2} \sum |d_{ю} - d_k| = I_{ю-k} = \frac{1}{2} \sum |0,29 - 11| \approx 5,36;$$

$$I_{и-6} = \frac{1}{2} \sum |d_{и} - d_6| = I_{и-6} = \frac{1}{2} \sum |2,67 - 1,68| \approx 0,5;$$

$$I_{ю-6} = \frac{1}{2} \sum |d_{ю} - d_6| = I_{ю-6} = \frac{1}{2} \sum |0,29 - 1,68| \approx 0,7;$$

$$I_{ю-и} = \frac{1}{2} \sum |d_{ю} - d_{и}| = I_{ю-и} = \frac{1}{2} \sum |0,29 - 2,67| \approx 1,2.$$

В конечном итоге мы получаем 10 величин:

OCA Index (Китай – Россия) = $0,218 + 4,8 + 190,3 + 8,8 + 0,81 = 204,928 \approx 205$;

OCA Index (Бразилия – Россия) = $0,122 + 1,4 + 10,6 + 1,076 + 0,77 = 13,968 \approx 14$;

OCA Index (Индия – Россия) = $0,169 + 0,64 + 43,5 + 1,765 + 0,79 = 46,864 \approx 47$;

OCA Index (ЮАР – Россия) = $0,125 + 0,56 + 0,8 + 0,188 + 0,81 = 2,483 \approx 2,5$;

OCA Index (Китай – Индия) = $0,127 + 4,2 + 127 + 4,989 + 0,98 = 137,296 \approx 137,3$;

OCA Index (Китай – Бразилия) = $0,273 + 4,66 + 164,5 + 8,185 + 0,77 = 178,388 \approx 178,4$;

OCA Index (ЮАР – Китай) = $0,459 + 5,36 + 45,5 + 0,021 + 0,91 = 52,25 \approx 52,3$;

¹ World Development Indicators | DataBank. World Bank Group. URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators> (дата обращения: 06.03.2025).

² United States trade statistics. World Integrated Trade Solution (WITS). URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country> (дата обращения: 07.03.2025).

³ Доля промышленности в ВВП | ЮАР | 2023. StatBase. URL: <https://statbase.ru/data/zaf-industry-value-added-share/> (дата обращения: 09.03.2025).

OCA Index (Индия – Бразилия) = $0,21 + 0,5 + 16,5 + 1,64 + 0,74 = 19,59 \approx 19,6$;

OCA Index (ЮАР – Бразилия) = $0,16 + 0,7 + 2,5 + 0,175 + 0,77 = 4,305 \approx 4,3$;

OCA Index (ЮАР – Индия) = $0,167 + 1,2 + 11,5 + 0,106 + 0,8 = 13,773 \approx 13,8$.

Δ OCA Index = $674,2/10 = 67,42$

Таким образом, средний коэффициент применимости валютной интеграции в государствах «ядра БРИКС» составляет 67,42 %, что является позитивным индикатором для последующих интегративных преобразований. Однако надлежит учесть ряд важных моментов. Прежде всего, на модели явно видна асимметрия: несколько пар стран имеют крайне развитые экономические и торговые связи и, тем самым, «тянут» валютную интеграцию на себе, в то время как индексы других пар стран показывают куда более скромные результаты. Также, создание валютной интеграции – трудоемкий и небыстрый процесс. Стоит помнить, что помимо оптимальных экономических показателей от сторон требуется единение в вопросах необходимости данного этапа интеграции и добровольного пожертвования частью экономического суверенитета. Кроме того, одни лишь результаты расчетов еще не являются гарантом оптимальности региона для создания валютного союза. Рассмотрим другие факторы, которые прямо или косвенно влияют на успех валютной интеграции.

Помимо основных критериев, описанных в модели выше, Манделл также придавал немалое значение мобильности факторов производства, таких как труд и капитал, внутри союза [7]. Мобильность трудовых ресурсов в валютном объединении, по мнению Манделла и его последователей, представляет собой привычную международную трудовую миграцию: экономически активное население перемещается в страны и регионы, где условия и оплата труда выше, однако существует своя специфика. В результате постоянной трудовой миграции внутри объединения происходит рационализация условий труда и постепенное выравнивание заработных плат, что в конечном счете приводит к образованию единого рынка труда. Оценить степень рациональности международной трудовой мобильности между странами и взаимозависимости их рынков труда можно с помощью коэффициента корреляции: чем больше корреляция уровней безработицы стран, тем менее эффективна трудовая мобильность между ними. В нормальных условиях дефицит человеческих ресурсов в одной стране объединения должен привлечь дополнительный персонал из других государств, что выравнивало бы уровни безработицы во всех участвующих странах: дефицит кадров на одном рынке труда удовлетворяют излишки человеческого капитала с других рынков. Синхронизация уровней безработицы же напротив свидетельствует о диссонансе, препятствующем трансферу трудовых ресурсов из одной страны объединения в другую. Согласно данным Trade Economics в 2025 г. безработица в Китае, России, Бразилии, Индии и ЮАР составляет 5,4 %; 2,4 %; 6,5 %; 8,2 % и 31,9 % соответственно⁴. Для вычисления корреляции возьмем данные и за 2024 г. Таким образом, год назад безработица в странах ядра БРИКС составляла 5,3 %; 2,9 %; 7,6 %; 7,4 % и 32,1 %. В результате можно сделать следующие выводы: разрывы в показателях безработицы стран превышают 10 %, корреляция по признаку безработицы незначительна, однако ввиду отсутствия положительных тенденций рационализации рынков труда стран с колоссальным профицитом рабочей силы, можно понять, что движение трудовых ресурсов между рынками труда стран БРИКС ограничено, а связь самих рынков слаба. Кроме того, динамика безработицы в парах государств неоднородна: в группе Китай – Индия; Россия – Бразилия; Россия – ЮАР и Бразилия – ЮАР наблюдается положительная корреляция, а во всех остальных парах –

⁴ Уровень безработицы – список стран. Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/country-list/unemployment-rate> (дата обращения: 09.03.2025).

отрицательная. Таким образом, корреляция рынков труда стран БРИКС и их взаимосвязь не свидетельствуют об интеграционных процессах.

Наиболее показательной метрикой мобильности капитала в блоке стран являются прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Согласно теории оптимальных валютных зон, относительно равномерное распределение валовых иностранных инвестиций – основной показатель готовности всего союза к валютной интеграции [7]. Подобное распределение капиталовложений говорит о том, что инвесторы не видят разницы во вложениях в ту или иную страну блока, поскольку государства обладают общим рынком, по которому капитал распространяется равномерно. Поскольку члены альянса не заключали договоров ни о зоне свободной торговли, ни о таможенном союзе, соответственно общий рынок товаров и услуг – черта, не релевантная для БРИКС на сегодняшний день. Более того, согласно исследованию Международного института управления (IMD) за 2024 год, уровень прямых международных инвестиций в экономики Китая, Индии, Бразилии и ЮАР равняется 13 %, 25 %, 18 % и 31 % соответственно. Данные международных институтов по открытости экономики РФ отсутствуют, однако можно предположить, что в результате наложенных за последние 3 года санкций, она составляет менее 25 %. Приведенные данные говорят не только о скромной инвестиционной привлекательности стран БРИКС, но и свидетельствует о слабой корреляции между уровнями ПИИ, что дополнительно подтверждает отрицательный тренд экономической, в частности, валютной интеграции с точки зрения мобильности капитала внутри блока.

Идею ПИИ, как основы экономической интеграции, продолжил последователь Манделла – американский экономист Р. МакКиннон, создавший собственную концепцию на базе теории ОВЗ [10]. Согласно его видению наибольшую выгоду от образования валютного союза получают малые страны, поскольку в отличие от крупных львиная доля товаров на их рынках ориентирована на торговлю, а не потребление. Основываясь на этой идее, он создал критерий, определяющий готовность того или иного государства к вступлению в валютный союз. Главными метриками по критерию МакКиннона являются размер и степень открытости экономики. Теоретически, страна, открытая для притока товаров и капитала из зарубежа с населением, требующим менее четверти товаров с рынков для собственного потребления, должна быть более всего приспособлена к валютной интеграции. Переноса данную модель на БРИКС, стоит отметить, что ни одна из стран ядра не является маленькой в значении, придаваемом МакКинноном, – большая часть производимых товаров идет на нужды населения. Более того, каждая из стран БРИКС является экономически доминантной в своем регионе. Согласно упомянутому исследованию Международного института управления (IMD)⁵ за 2024 год степень инвестиционной привлекательности Китая, Индии, Бразилии ЮАР и РФ равняется 13 %, 25 %, 18 %, 31 % и ≈ 25 % соответственно. Таким образом, ни одна из стран ядра БРИКС не проходит по перечисленным пунктам, то есть не соответствует критерию целесообразности валютной интеграции МакКиннона.

Стоит отметить, что помимо относительного размера экономики и степени экономической и финансовой открытости существует ряд менее очевидных факторов, определяющих потенциал и риски валютной интеграции. Так, на примере стран Европейского валютного союза экономисты отмечали неоднородность последствий интеграции: экономики стран по-разному реагировали на шоки и изменения основных макроэкономических показателей [4]. Среди многих попыток рационализации этого несоответствия выделяется принцип взаимосвязи ВВП государств и степени уязвимости ко внешним шокам, выведенный экономистом Т. Байоми. Он утверждал, что при

⁵ IMD Competitiveness Center. IMD World Competitiveness Booklet 2024. InvestChile. URL: https://www.investchile.gob.cl/wp-content/uploads/2024/08/Booklet_WCY_2024.pdf (дата обращения: 09.03.2025).

совпадающих экономических циклах, что происходит при условии небольшой разницы в ВВП или темпах прироста ВВП, странам легче преодолевать и смягчать экономические спады и скачки, поскольку экономические потрясения синхронизируются с небольшим географическим лагом [11]. Таким образом, был сформулирован критерий Байоми, выражающий зависимость значения коэффициента корреляции темпов прироста ВВП и общей экономической стабильностью. Практика показывает, что наибольшие показатели корреляции наблюдаются в интеграционных объединениях, что согласуется с идеями Байоми. Его критерий широко используется для оценки эффективности и оптимальности существующих валютных союзов и теоретического обоснования новых. В своих трудах Байоми упоминал, что перед появлением реальной возможности объединения государств в валютный союз средняя синхронизация экономических, т. е. финансовых и бизнес-циклов для всей группы должна достигать, как минимум, 80 % [11]. Хотя деловые и финансовые циклы стран сообщества подвержены общим трендам мировой экономики, экономики государств с разной скоростью и интенсивностью реагируют на шоки [12, 13]. Согласно упомянутому выше исследованию НИУ ВШЭ соответствие финансовых и бизнес-циклов для стран БРИКС составляет в среднем 70 % [9]. Следовательно, исходя из критерия Байоми, государства группы БРИКС еще не готовы к валютной интеграции.

Помимо прочего важным фактором, влияющим на экономическую интеграцию в целом и валютную интеграцию, в частности, является инфляционная конвергенция. Вскоре после создания фундамента теории оптимальных валютных зон Манделл совместно с коллегой – М. Флеммингом создали совместную модель на базе ОВЗ. В сущности, модель Манделла-Флеминга посвящена взаимосвязи между номинальным обменным курсом, процентной ставкой и объемом производства в экономике [14]. Изначально, это была попытка ученых опровергнуть принцип «Невозможной троицы», однако в последующем модель нашла и практическое применение. Согласно теории, сохраняя относительно одинаковый уровень инфляции и общий уровень цен, экономики государств могут обеспечить корреляцию валютных курсов, что критически важно при переходе к единой валюте. Соответственно, чем стабильнее инфляция и уровень цен стран потенциального валютного союза, тем оптимальнее данная валютная зона. Рассмотрим модель Манделла-Флеминга в контексте альянса БРИКС. Чтобы вычислить степень инфляционной конвергенции в объединении, сперва обратимся к электронному ресурсу Statista⁶ и найдем данные по уровням инфляции стран ядра БРИКС за последнее десятилетие.

Таблица 1 – Уровни инфляции в странах БРИКС за последнее десятилетие
Table 1 – Inflation rates in the BRICS countries over the last decade

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Бразилия	6,33%	9,03%	8,74%	3,45%	3,67%	3,73%
Китай	1,99%	1,44%	2%	1,58%	2,09%	2,91%
Индия	5,83%	4,91%	4,53%	3,59%	3,41%	4,77%
Россия	7,82%	15,53%	7,03%	3,68%	2,88%	4,47%
ЮАР	6,1%	4,59%	6,33%	5,28%	4,61%	4,12%
	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Бразилия	3,21%	8,3%	9,28%	4,59%	4,27%	

Таблица 1 (продолжение)

⁶ Inflation rate in the BRICS countries from 2000 to 2030. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/741754/inflation-rate-in-the-bric-countries/> (дата обращения: 11.03.2025).

Table 1 (continued)

Китай	2,49%	0,92%	1,98%	0,23%	0,42%	
Индия	6,17%	5,51%	6,65%	5,36%	4,37%	
Россия	3,38%	6,69%	13,75%	5,86%	7,86%	
ЮАР	3,28%	4,56%	6,87%	5,9%	4,7%	

Источник: Составлено автором на основе данных электронного ресурса Statista.

К данным в таблице применим модель корреляции Пирсона.

$$r = \frac{\sum (X_i - \bar{X})(Y_i - \bar{Y})}{\sqrt{\sum (X_i - \bar{X})^2 \cdot \sum (Y_i - \bar{Y})^2}}.$$

По результатам вычислений мы получаем следующие данные: к сильным корреляциям ($> 0,5$) относятся пары: Бразилия – Россия (0,642) и Бразилия – ЮАР (0,553); к умеренным (0,3–0,5): Бразилия – Индия: (0,493); Индия – ЮАР (0,392); Россия – Индия (0,307) и Россия – ЮАР (0,307). Китай показывает очень слабую или даже отрицательную корреляцию ($< 0,3$) со всеми странами БРИКС: Китай – Бразилия (0,095); Китай – Индия (0,073); Китай – Россия (0,142); Китай – ЮАР (–0,080). Средний уровень корреляции между всеми парами стран БРИКС составляет 0,25 или 25 %. Столь сильное расхождение в уровнях инфляции даже с поправкой на длительный временной период и локальные кризисы говорит о слабой инфляционной конвергенции, что, в свою очередь, сокращает вероятность успешной валютной интеграции. Оптимальность валютной зоны БРИКС не происходит и по критерию Манделла-Флемминга.

На фоне сугубо экономических критериев оптимальности не стоит забывать и о геополитических аспектах, оказывающих влияние на интеграцию. Тема разобщенности и асимметричности альянса играет немалое значение в проекте создания валюты БРИКС. Лидеры государств фокусируются на потенциальных благах, что объединение получит в случае успешной валютной интеграции, игнорируя или преуменьшая шаги и жертвы, на которые всем странам сообщества придется пойти ради достижения этой цели. Так, главы только 3 из 5 стран БРИКС выразили активную заинтересованность в имплементации единого валютного актива [15]. Реакция и возможные проблемы с новоприсоединенными государствами к блоку – еще более серьезный вопрос. На этом фоне в последние годы начали возникать альтернативные схемы. Например, возведение одной из национальных денежных единиц в статус валюты БРИКС. В качестве основной валюты-кандидата экономисты рассматривали деньги наиболее сильной экономики объединения – китайский юань. Однако сам Китай отверг подобные идеи, заявляя, что это коренным образом противоречит национальным интересам [16].

Результаты

Индекс оптимальности валютной зоны БРИКС показал значение в 67,42 %, что говорит о значительном интеграционном потенциале. Однако ни один из пяти дополнительных критериев не свидетельствует о реализуемости валютной интеграции в формате БРИКС в настоящий момент. Беря во внимание выдающиеся показатели экономической связи некоторых пар стран, значительно превышающие 100 %, можно судить о перекосе реального значения индекса в результате чрезвычайно сильной интеграции отдельных государств-членов БРИКС. Таким образом, проведенный анализ говорит о малой степени оптимальности БРИКС для валютной интеграции при текущих макроэкономических показателях и связях членов объединения.

Обсуждение

Судить о соотношении результатов исследования с объективной реальностью можно по слабой реакции лидеров стран сообщества на предложения. После официального начала работ над программой валютной корзины БРИКС в 2022 не было никаких вестей о проекте, а лидеры объединения за исключением отдельных чиновников вынесли вопрос валютной интеграции на второй-третий план. Кроме того, идея создания общей валюты БРИКС была холодно встречена и в научных кругах. За последние 3 года вышло немало статей и отчетов на предмет несостоятельности концепции валюты БРИКС. Тем не менее, на основе имеющихся данных переход БРИКС на более ранние стадии интеграции – более достижимая цель. В будущих исследованиях можно рассчитать шаги для создания в рамках БРИКС зоны свободной торговли или таможенного союза.

Заключение

БРИКС – крупное объединение стран с колоссальным экономическим потенциалом. Тем не менее, валютная интеграция – преждевременный и пока что недостижимый шаг. Проведенный расчет по индексу оптимальности валютной зоны показал положительный результат, однако он обеспечен скорее чрезвычайно сильными экономическими связями нескольких пар стран, нежели общим положением объединения. Кроме того, все дополнительно приведенные экономические критерии показали низкую вероятность успешного создания валютного союза. Сверх экономических факторов существуют геополитические вызовы, препятствующие валютной интеграции БРИКС: Запад не хочет лишаться международной торговой и финансовой гегемонии, пресекая попытки развивающихся стран и объединений к экономической консолидации. Таким образом, стремительная экономическая интеграция БРИКС будет встречена антагонизмом в виде санкций, торговых войн и роста геополитического напряжения со стороны развитых стран в целом и США – в частности.

В этой связи, более логичным, устойчивым и в долгосрочной перспективе полезным шагом является постепенная экономическая интеграция, возможность которой мы доказали ранее в главе. Создание ЗСТ и/или таможенного союза заложило бы фундамент для более глубокой, финансовой интеграции. Большая открытость для прямых иностранных инвестиций внутри блока, инфляционная конвергенция, согласованность экономических циклов и другие метрики, определяющие возможность валютной интеграции – все это достижимо на более ранних с линейной точки зрения стадиях экономической интеграции. Таким образом, данное исследование не умаляет целесообразность валютных преобразований, лишь оспаривает их своевременность. Одна только зона свободной торговли, распространяющаяся на весь БРИКС+, способна принести огромное благо всем странам-членам объединения, а это – лишь самое начало интеграции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Растянникова Е.В. *БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века*. Москва: ИВ РАН; 2016. 272 с.
Rastyannikova E.V. *BRICS: The Primary Economic Sector in the World Economy of the XXI Century*. Moscow: IOS RAS; 2016. 272 p. (In Russ.).
2. Войтова Л.М., Нургазина Г.Е., Пятаева О.А. *Современные тенденции и перспективы международной экономической и социальной интеграции: (к 10-летию БРИКС)*. Москва: РУСАЙНС; 2023. 150 с.

3. Бабошкина А.А. Возможности валютного сотрудничества в рамках БРИКС. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2025;(4):93–103. <https://doi.org/10.24412/2/2072-8042-2025-4-93-103>
Baboshkina A.A. Opportunities for Monetary Cooperation Within BRICS. *Russian Foreign Economic Journal*. 2025;(4):93–103. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2/2072-8042-2025-4-93-103>
4. Толорая Г.Д., Белов В.И., Mohamad Zreik и др. *БРИКС в мировой экономике и финансах*. Москва; 2024. 503 с.
Toloraya G.D., Belov V.I., Mohamad Zreik, et al. *BRICS in Global Economy and Finance*. Moscow; 2024. 503 p. (In Russ.).
5. Арапова Е.Я. Перспективы экономической интеграции в формате БРИКС. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2016;(2):32–47.
Arapova E.Ya. Prospects for Economic Integration Within BRICS. *Russian Foreign Economic Journal*. 2016;(2):32–47. (In Russ.).
6. Жариков М.В. *Интернационализация валют стран БРИКС*. Москва: Проспект; 2016. 208 с.
7. Mundell R.A. A Theory of Optimum Currency Areas. *The American Economic Review*. 1961;51(4):657–665.
8. Пилипенко И.В. Проблемы перехода к расчетам в национальных валютах в рамках БРИКС и проект новой расчетной единицы uniclear-БРИКС-9. *ЭКО*. 2024;54(3):52–79. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79>
Pilipenko I.V. Problems of Transition to Settlements in National Currencies Within BRICS and the Project of a New Unit of Account, the uniclear-BRICS-9. *ECO*. 2024;54(3):52–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2024-3-52-79>
9. Щепелева М.А., Филиппов С.А. Сопоставление динамики финансовых и бизнес-циклов в странах БРИКС. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2023;16(4):450–476. <https://doi.org/10.24891/fa.16.4.450>
Shchepeleva M.A., Filippov S.A. Comparing the Dynamics of Financial and Business Cycles in the BRICS Countries. *Financial Analytics: Science and Experience*. 2023;16(4):450–476. (In Russ.). <https://doi.org/10.24891/fa.16.4.450>
10. McKinnon R.I. *Money and Capital in Economic Development*. Washington: Brookings Institution; 1973. 184 p.
11. Bayoumi T. A Formal Model of Optimum Currency Areas. *Staff Papers*. 1994;41(4):537–554. <https://doi.org/10.2307/3867519>
12. Берзон Н.И., Лысенко Н.И. Оценка инвестиционной привлекательности фондовых рынков стран БРИКС. *Финансы и бизнес*. 2021;17(4):18–31.
Berzon N.I., Lysenok N.I. Assessment of the Investment Attractiveness of the Stock Markets of the BRICS Countries. *Finance and Business*. 2021;17(4):18–31. (In Russ.).
13. Морозов В.В. Взаимосвязь рынка производных финансовых инструментов и экономического роста (на примере стран БРИКС). *Экономика и управление*. 2025;31(3):333–347. <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-3-333-347>
Morozov V.V. The Relationship Between the Derivatives Market and Economic Growth (On the Basis of the BRICS Countries). *Economics and Management*. 2025;31(3):333–347. (In Russ.). <https://doi.org/10.35854/1998-1627-2025-3-333-347>
14. Mundell R.A. Capital Mobility and Stabilization Policy under Fixed and Flexible Exchange Rates. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. 1963;29(4):475–485.
15. Сергеева Н.В. Россия и БРИКС в новых геополитических реалиях. *Экономика. Налоги. Право*. 2024;17(1):119–131. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-1-119-131>

- Sergeeva N.V. Russia and the BRICS in the New Geopolitical Realities. *Economics, Taxes & Law*. 2024;17(1):119–131. (In Russ.). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2024-17-1-119-131>
16. Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка. *Современная мировая экономика*. 2024;2(4):56–84. <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-56-84>
Bawaskar R. BRICS in Transition: A Critical Analysis of Opportunities and Challenges Within an Emerging Global Order. *Contemporary World Economy*. 2024;2(4):56–84. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-56-84>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Тарасов Макар Викторович, студент, **Makar V. Tarasov**, student, Lomonosov Московский государственный университет Moscow State University, Moscow, the Russian имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Federation.
Федерация.
e-mail: macaroshi@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 29.05.2025; принята к публикации 03.06.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 29.05.2025; accepted for publication 03.06.2025.